

ство XIX вѣка, или коммунистическое, были хорошими обществами. Они дурны сами по себѣ, они развращают и человѣка, живущаго в них. Правда, не одни социальныя отношенія опредѣляютъ человѣка и личность. Религіозное обмеленіе одно уже приводитъ къ упадку личности. Но, по скольку существуетъ соотношеніе между этической цѣнностью личности и общества, это соотношеніе прямое, а не обратное. Какой другой смыслъ можетъ имѣть понятіе «хорошаго общества», какъ не тотъ, что оно создаетъ лучшія условія для «хорошаго человѣка»? Что не всегда онъ умѣетъ воспользоваться этими условіями, это уже другой вопросъ — вопросъ его страшной и неотмѣняемой личной свободы.

Г. Федотов.

ПРОБУЖДЕНИЕ МОЛОДОЙ ФРАНЦИИ «ESPRIT»

Нельзя сказать, чтобы антикапиталистическія настроенія были чужды французской молодежи. Скорѣе наоборот. Буржуазный либерализм энергично отрицался, какъ «Action Française», такъ и лѣвыми, сочувствующими коммунизму теченіями, которыя боролись за водительство среди молодежи. Последніе годы, послѣ разрыва «Action Française» съ католической церковью, давали явный крен направо. Совѣтская Россія для многихъ казалась землей обѣтованой. Эти настроенія были типичны не для французскаго социализма, а для новаго радикализма, представленнаго журналами «Le Monde», «L'Europe» и множествомъ еженедѣльниковъ. «Les Temps», какъ органъ новыхъ культурно-революціонныхъ теченій, отдали щедрую дань совѣтофильству. Теоретическое увлеченіе марксизмомъ новой интеллигенціи связано съ тѣмъ же умонастроеніемъ.

Журналъ «Esprit» (№№ 1-9) рѣшительно порываетъ съ этой традиціей. В немъ мы имѣемъ впервые очень яркій, боевой, даже революціонный журналъ, но столь же анти-коммунистическаго, какъ и анти-капиталистическаго направленія. Иначе и быть не можетъ, если въ основу частной революціи культуры положено начало «духа». Оба редактора — Мунье и Изаръ католики изъ школы Пеги, авторы книги о немъ. То, о чемъ мы мечтали (въ № 1 «Новаго Града») — соединеніе духа христіанства съ вольнолюбивой и демократической традиціей Франціи, воплощаемое въ имени Пеги, наконецъ, становится общественнымъ факторомъ. Наконецъ — или снова, ибо это знаменательное соединеніе уже было разъ осуществлено въ исторіи Франціи, когда, сто лѣтъ назадъ,

вокруг «Avenir» соединились имена Ламеннэ, Лекордера и Монта-ламбера. И теперь почтенная католическая Франція, конечно, ворчит по поводу своих черезчур смѣлых претензій. Но как изменились времена. В эпоху эциклики *Quadragesimo anno* католикам-революціонерам не приходится опасаться церковных громов.

Впрочем, они благоразумно не пожелали спустить свой духовный корабль под католическим знаменем. Основное ядро католиков в «Esprit» окружена плеядой идеалистов менѣе опредѣленнаго, но никогда антихристіанскаго направленія. Среди них есть экономисты, есть политики, критики и искусствовѣды. Плеяда «Esprit» куда болѣе разностороння, чѣм группа «Новаго Града». Это дало возможность создать не только новый орган социальной мысли, но и новый, боевой орган культуры — может быть, сейчас самый интересный во Франціи. Весьма умѣло и широко поставлена хроника — включающая даже быт. Мы во-очію присутствуем при лабораторной работѣ созданія новой культуры и новаго человѣка.

В каком духѣ ведутся эти опыты? Весьма показательны для духовно-гуманистическаго типа их статьи редактора Изара: «*La patrie et la mort*», написанныя против культа отечества и войны. Это сразу вырывает пропасть между «Esprit» и идеализмом нѣмецких и русских пореволюціонных теченій, сближая зато французскій авангард с молодежью Англій. Большая освѣдомленность в дѣлах Россіи («Esprit» запечатало даже путевыя впечатлѣнія из Россіи Сильвейра) дает возможность помѣщать серьезныя критическія статьи о Россіи, о пятилѣткѣ и т. д. «Esprit» дорожит и сотрудничеством русских авторов (Бердяев). Первое время было страшно за срывы — казалось, неизбежныя — в голосах западных революціонеров о Россіи. Теперь мы спокойны за наших друзей: христіанская совѣсть ставит их выше соблазнов московской рекламы.

В вопросах искусства ведется энергичная борьба против искусства роскоши, «чистой» культуры, вычурной игры — за религіозное и всенародное свободное творчество.

Менѣе всего опредѣленности в сферѣ чистой политики. Как это, к сожалѣнію естественно на почвѣ Франціи, журнал опредѣленно враждебен современному парламентаризму и не мыслит движенія к будущему в его формах. Здѣсь разрыв, позволяющій говорить о политически-революціонном характерѣ журнала. Но что такое революція в странѣ демократіи? Мы полагаем, что революція, совершающаяся, так или иначе, против большинства, неизбежно выльется в форму фашизма. «Esprit» рѣзко отрещивается от фашизма. Будущее представляется в формах синдикальной демократіи. Но переход к нему, пути и способы — не ясны.

Но группа «Esprit» не хочет дѣлать революціи в кабинетах. Они тянутся к народу. Они уже организовали политическій союз «Третья сила», уже выпускают газету «*Le front social*». Далекіе от того,

чтобы смущаться зрѣлищем этого политическаго опрошенства, мы при-
вѣтствуем шаг христіанской интеллигенціи навстрѣчу народу. Но ду-
маем, что этот шаг обязывает к полной опредѣленности. В политикѣ
нельзя играть словом «революція» с той легкостью, как в чистых
сферах культуры. Революція здѣсь сразу оборачивается звѣриным ли-
ком — и кровью и грязью. И во всяком революціонном движеніи бла-
городные идеалисты неизбежно сметаются людьми, умбющими драз-
нить и укрощать многоголоваго звѣря.

А. М. І.

Книги

CONSTANTIN OSTROGORSKY.

*Joseph de Maistre und seine
Lehre von der höchsten Macht
und ihren Trägern.* Helsing-
fors, 1932.

Небольшая, талантливая и стра-
стно написанная книжка К. Остро-
горскаго распадается на двѣ ча-
сти: текст, заключающій в себѣ
краткое изложеніе ученія де Мэ-
стра о католической церкви и пап-
ской власти (преимущественно
на основаніи его трактата «*Di
Pape*») и примѣчанія. В них —
главный интерес работы. Автор
дал себѣ труд разобрать все, что
было когда-либо писано о де Мэ-
стрѣ. Получилась одна из любо-
пытнѣйших страниц исторіи че-
ловѣческой глупости и непонима-
нія. На примѣръ судьбы Ж. де Мэ-
стра как нельзя лучше выясня-
ется, до какой степени исторіо-
графія хваленной эпохи «историз-
ма» была в сущности — а отча-
сти, особенно во Франціи, оста-
ется и по сей день — антиистори-
ческой, к величайшим явленіям в
исторіи человѣческаго духа рав-
нодушной, неспособной и неже-

лающей понять их в себѣ, изу-
чающей их с точки зрѣнія их
«полезности», «услуг», оказанных
ими «прогрессу». С этой точки
зрѣнія де Мэстр или Адам фон-
Мюллер легко оказываются каки-
ми-то выходцами с того свѣта,
«вдохновителями европейской ре-
акціи», берутся за одну скобку
со (столь же, как они, упрощен-
ным и опошленным) Меттернихом
и с королем Карлом X — и не-
понятно, почему же Сен-Симон и
Огюст Конт считали де Мэстра
своим учителем. Надо сказать, что
сам автор излагает ученіе де Мэ-
стра не столько как историк,
сколько как апологет. Взвѣсивши в
качествѣ эниграфа выдержку из
письма Ог. Конта, гдѣ он говорит:
«*M. de Maistre a pour moi la
propriété particulière de me
servir à apprécier la capacité
philosophique des gens par le
cas qu'ils en font*», автор, одна-
ко, понимает де Мэстра гораздо
уже, нежели Ог. Конт. Для него,
как и для самого де Мэстра, един-
ственная подлинная «духовная
власть» — это власть главы ка-
толической церкви. Конечно, ду-